

Л. Н. ЛУЗЯНИНА

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ТРАКТАТА РАДИЩЕВА
„О ЧЕЛОВЕКЕ, О ЕГО СМЕРТНОСТИ И БЕССМЕРТИИ“

Трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанный в годы илимской ссылки, занимает особое место в творчестве А. Н. Радищева. Это сочинение представляет важнейшее звено в развитии идейно-философских, этических и эстетических взглядов писателя. Вместе с тем перед нами образец философской публицистики конца XVIII в. с характернейшей для нее эмоциональной напряженностью, природа которой еще, может быть, не вполне уяснена. Это проза, несомненно имеющая свое внутреннее задание, реконструировать которое было бы весьма любопытно, ибо не случайно в первых же строках трактата, в самом его названии мы сразу узнаем интонацию автора «Дневника одной недели», «Жития Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествия из Петербурга в Москву». Нам известна психологическая ситуация, в которой создавался трактат, понятно, почему мысль о смерти особенно остро возникла в сознании писателя именно в эту пору, но явилось ли это произведение исповедью смятенной души или своеобразной формой убеждения в заранее известной мысли — ответить необычайно трудно.

Между тем внимание историков литературы это произведение Радищева привлекало сравнительно мало: его изучали, и весьма интенсивно, исследователи общественной и философской мысли, которых интересовали преимущественно два аспекта. Во-первых, проблема источников трактата, круг философской и естественнонаучной литературы, нашедшей в нем свое отражение; а во-вторых, интерпретация философских взглядов писателя, проблема его мировоззрения. Так, исследователи конца XIX—начала XX в. доказывали, что третья и четвертая книги трактата свидетельствуют о приверженности Радищева к идеализму лейбницианского толка.¹

¹ См. примечания Г. А. Гуковского в кн.: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1941, с. 370—372; *Masaryk Th. G. Russland und Europa*, I Folge, Bd 1. Jena, 1913, S. 66.